

18+

ЭЛСИ ИТАН

КАТАРСИС

Элси Итан Катарсис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63696937

ISBN 9785005305183

Аннотация

История о тяжелой судьбе ребенка, познавшего все ужасы войны, взрослого человека, сломавшегося после смерти единственного ребенка, и старика, который медленно гаснет после кончины любимой жены. И все это одна судьба и одна жизнь.

Катарсис

Элси Итан

© Элси Итан, 2021

ISBN 978-5-0053-0518-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Элси Итан

Катарсис

Обещай мне, что ты будешь счастлив. Да, ты. Именно ты.

И пусть иногда мосты не только горят, а даже взрываются, и порой, ты только привстал и падаешь вновь, иди только вперед.

Там, в конечном итоге ты увидишь свет.

И свет этот будет достоин километров тьмы, через которые ты прошел.

Обещай мне, что ты будешь счастлив. Да, ты.

Именно ты. И пусть каждый кошмар в твоей жизни будет прерван звоном будильника.

Пролог

У меня было три цели. Возможно, они были последними в моей жизни: прийти туда, где все началось- на улицу, где когда то мы жили, прийти к тем, кто похоронен на том кладбище – мама, папа, дед и бабушка, и прийти сюда, где я сейчас стою, тут покоится мой единственный брат, только вот без имени, без креста.

Я снова здесь. Я всегда знал, что когда-нибудь вернусь. Мне здесь хорошо, намного лучше, чем где-либо. Я понимаю, что навряд ли еще приду сюда, даже до боли желая этого. Всё когда-нибудь кончается.

Десять из десяти скажут, что я безнадежно болен, но я готов поклясться, что слышу эти голоса. Снова и снова. Возможно, люди были бы правы, но как бы страшен не был мой диагноз, мое нынешнее состояние не имеет к этому никакого отношения, эти голоса реальны. Эта легкая мгла возвращает меня туда вновь, даже не спрашивая ничего. Но я не против. Будь моя воля. я остался бы здесь. Остался бы навсегда. Есть плены, в которые мы попали бы с удовольствием. Каждый из нас хотя бы раз в жизни страдал Стокгольмским синдромом, оправдывая тех, кто причинял нам боль. Я ничуть не сомневаюсь в том, что я снова здесь и именно тогда, когда еще не существовало новых городов, улиц, нынешнего мира в своем грязном обличье, который так мне чужд.

– Старик, старик? Ты будешь заходить или нет? – я оборачиваюсь, и вижу, что на меня подозрительно смотрит невысокий мужчина средних лет. Я неловко смотрю на него в от-

вет секунд десять и понимаю, что в какой-то момент я чуть ли не выпалил: «Какой я тебе старик?», но до моего сознания вовремя доходит, что я стою у теперь уже местного продуктового магазина и мне давно не пятнадцать. Возможно, он звал меня уже давно, возможно он появился только сейчас, но я только-только начинаю возвращаться в реальность.

– Нет, извините-наконец то выдавливаю я, и мужчина смотрит на меня недопонимающим или немного сочувствующим взглядом.

Я могу остановиться и вернувшись, рассказать ему. Рассказать всё, с самого начала, он будет молчать, потому что это никак не связано с ним и его жизнью, но возможно услышит меня и это будет то, что мне необходимо. Говорят, незнакомому легче излить душу... Возможно, он подумает, что у меня начальная стадия шизофрении и жалостливо покачает головой. Говорят, незнакомому легче излить душу, но зачем? И самому милосердному здоровому не понять мук больного. Людям намного приятнее и интереснее слушать о другой жизни, о роскоши и безопасности, о красивых и дальних, недостижимых для них местах, они уверены в том, что жизнь там идеальна, только потому что эти места далеко от них. Для таких рассказов не нужна богатой фантазии и большой души, слушая их не стоит бояться, что вы прослезитесь и покажите тем самым собеседнику свою сентиментальность, ведь сейчас слезы являются для людей

признаком слабости, а для меня они всегда были признаком жизни. Я могу ему рассказать. Возможно, он осудит меня или же ему просто будет безразлично или он подумает, что я придумал эту историю, начитавшись мировых бестселлеров. Я отдал бы многое за то, чтобы это был так. Я бы так хотел, чтобы это действительно было ложью и впервые в жизни меня не оскорбило бы это обвинение. Сколько бы книг я не прочел, я никогда не смог бы придумать эту историю. К сожалению.

Я неловко улыбаюсь ему, и как преступник, которого уведут со связанными руками в другой, менее светлый мир, последний раз бросаю взгляд на эти места. Здесь когда то прошла часть моей жизни, не настолько большая, насколько прекрасная и тем временем, тяжелая. Сейчас здесь всё изменилось. Другие здания, другая дорога, названия улиц, здесь даже появился большой магазин и какой-то неизвестный мне аппарат, именующийся терминалом, предназначенность которого я понял с большим трудом, а может толком и не понял. Повернувшись, я иду по своему пути и уверен в том, что он смотрит на меня. Смотрит как на вора или психа. Хотя я ничего не собирался красть и никому не смог бы причинить вред.

Родные. Я счастлив, что я остался тут, что мне никогда не приходилось покидать родные края. Я считал, что лучше чем здесь, мне не будет уже нигде. Я не искал веселья и праздности, мне нужен был покой в душе и здесь его хва-

тало. Я не променяю свой родной город ни на один из красивейших в этом мире, но любовь к нему- не единственная причина, по которой я никогда не покидал его. Самая главная причина ждала меня здесь, в самом печальном месте огромного мегаполиса. Я вновь посетил Пискаревское кладбище, вернее те родные души, что покоились здесь. Дед, бабушка и родители. Они были похоронены не рядом, потому что между смертью бабушки и деда и смертью родителей земля здесь приняла еще очень много тел и это огромное кладбище было заполнено жертвами Блокады. Я каждый раз проводил не менее получаса над могилой каждого. И намного больше над могилой мамы. Я всегда говорил ей чуточку больше. Чуточку больше, чем всем и даже самому себе.

Я рад, что несмотря ни на что, у меня есть возможность поговорить с ними хотя бы так. Хотя бы. Я говорил с ними. Мой монолог о жизни, о городе, о здоровье. Каждый раз тем для одностороннего разговора было все меньше, а желания остаться с ними- все больше. Я знаю, что они похоронены и знаю где. Все они за исключением моего брата похоронены совершенно точно здесь. Я знаю, где они... поверьте, не все имеют такую возможность и это очень тяжело. Неопределенность- самое страшное чувство в жизни. Уже несколько лет я каждое воскресенье прихожу сюда. Кто сказал, что кладбище мрачное место? Только если у вас там не живет родная душа. А у меня их тут много. Я прихожу сюда и чувствую себя дома, именно дома, а не как дома. Твоя родина там, где твои

мысли. Я знаю, что еще немного раз смогу вернуться к ним. Я лишь перевернутая страница, которая со дня на день сотрется навсегда. Я вслушиваюсь в пение птиц и вспоминаю времена, когда оно не звучало, когда ни одна птица не пролетала в небе над нашим городом. Поверьте, такое было.

Есть только два пути к ним- кладбище и сны. Мне снятся они все, кроме отца, он никогда ко мне не приходил. Значит ли это, что он еще злится? Простил ли он меня? И только мама навещает меня регулярно в моих снах.

Для зрителя здешнего кладбища я тоже давно псих, прихожу и часами сижу, разговаривая с ними. Ну и пусть. Возможно он привык к тому, что обычно у могилы плачут, а не говорят, но действительно страшная смерть человека, это когда после него будет плакать много глаз, но ни одно сердце. Я не проронил ни одной слезы вспоминая былое за всю жизнь, но лишь одним Богу известно, что было у меня на более глубоком уровне.

И наконец то, брат. Несмотря ни на что, я счастлив. Я счастлив, что я здесь. Я счастлив, что пришел к нему. Я не знаю, где именно он похоронен, узнать об этом практически невозможно, поэтому я всего лишь хожу между этими в спешке вырытыми могилами- траншеями, кто знает, быть может мгновение назад я прошел именно мимо него. Мне никогда этого не узнать. Я испытывал эти муки столько тысяч дней. Но опять же, если у вас болит не сердце, а в сердце, то это намного лучше, чем если бы там не могло болеть.

Тяжелее, но лучше. Бывали и такие моменты когда я думал уйти. Не буду врать, натягивая маску набожности и говорить что меня остановила вера, нет, но было все равно что то, что заставляло меня остаться. Я долго не приходил в себя, в то время как врачи боролись за мою обесценившуюся жизнь, я находился ни тут и не там, будто стоял между жизнью и смертью. Это вовсе не клиническая смерть, это что то неопределенное наукой и не имеющее своего термина, и в ее случае прогнозы более чем печальны. Я видел во сне его приближающийся силуэт. Он сказал, что захлебывается, не может дышать. По горло в соленой воде. Из-за меня. Ранним утром я заходил в нашу небольшую кухню и достав буханку хлеба вырезал аккуратный, не тонкий и не слишком толстый ломтик. Так любил он. Я представлял его взрослым. Кем бы он стал... архитектором, физиком, врачом, инженером, артистом? Я представлял, какой бы была его семья и как он выглядел бы в старости. Я помешал ему.

Я приезжал к нему регулярно, никак не объясняя это своей семье или когда они еще крепко спали. Здесь похоронено почти двадцать тысяч эвакуированных жителей Ленинграда. Я точно знаю, что и он здесь, среди них. Кусочек хлеба я всегда оставлял у окрестности кладбища и свято верил, что разбирают его вовсе не птицы... Ведь он так был ему нужен. И ради него он отдал жизнь. Я чувствую, что это последняя наша встреча на земле, и я кажется уже давно готов к последующей.

Сюда меня звали последние силы. Сюда меня звали мои сны, ведь последний раз я был здесь два месяца назад, а такой долгой разлуки я не допускал никогда. Возможно, он злится на меня, но простит, когда узнает, что я был очень нездоров и немощен. Я кладу ломтик свежего хлеба на уже привычное место и впервые даю волю своим слезам. Я закрываю глаза...

Он, как и при жизни, остался прекрасным собеседником — шагая в этих местах я мысленно говорил и с ним тоже, он был одним из немногих, кому я в самую первую очередь открывал самое ценное. Я верил и чувствовал, что он понимает, и слушает, и слышит каждое слово и для меня это было так важно. Среди живых я не встретил человека, с кем мог бы быть так же искренен, хотя попытки у меня были, как у каждого из нас, но ни одна из них не увенчалась успехом. Кто-то услышав тебя, увидит в этом прекрасную почву для жарких сплетен, кто-то подумает насколько он счастлив, раз не столкнулся с тем, с чем столкнулся ты, кто-то тебя осудит и ни один из них не примерит твою участь даже на миг.

Ты рассказываешь им о тех, кто сделал тебе больно, они слушают, а потом делают в сто тысяч раз больше.

Настолько, что та боль, о которой ты им рассказывал, перестает тебе казаться болью.

Родственная душа

Я возвращаюсь к своим делам, в свой маленький скромный мир, меня никто не ждет там, но этой мой кров и моя Вселенная. Я счастлив, что сохранил ее после всего, что было. Многие так и не достраивают ее, бросая главный проект своей жизни на этапе закладки фундамента, и речь идет во все не о домах.

Я добираюсь до своего этажа маленькими шагами и слышу тихую мелодию из кармана старого пальто- в начале я теряюсь, забыв о недавнем подарке своего внука, но затем осторожно достав его, нажимаю ту самую кнопку, о которой он мне снова и снова говорил.

– Дед, ты же не забыл что у нас запланировано на вечер? – вопрошает он сразу из маленького аппарата.

Две недели назад, ровно в середине августа, на мой семьдесят девятый день рождения, о котором я навряд ли бы вспомнил, мой единственный внук повез меня в магазин и настоял на том, чтобы я выбрал телефон, как он сказал — для того, чтобы мы могли поддерживать связь и он знал, что я в порядке. После долгих уговоров, я выбрал этот самый аппарат, настояв на том, что ни в коем случае не приму дороже.

Я знал, какой бывает жизнь молодых в любые времена, а уж тем более в нынешние, им всегда хватает желаний и проблем, тем более ему- круглому сироте, пытающемуся своими силами самостоятельно добиться всего в циничном мире.

– Дед, ну что это за выбор? – он обидчиво хлопает дверью магазина, выпуская меня вперед- я ведь хотел купить тебе

нормальный смартфон.

– Да зачем мне эти современные изобретения? Посмотри на меня, из меня уже песок сыплется, а ты собрался купить мне какой то мартфон.

– Смартфон, дед.

– Да черт с ним. У тебя вот любимая есть? – интересуюсь я.

– Ну- он немножко теряется от личного вопроса, который никогда ранее не слышал от меня и в итоге произносит- есть одна девушка, начали недавно встречаться.

– Ну вот, сделай ей приятно, подари ей без повода цветы или что то в этом роде- будет намного больше пользы- утверждаю я- чем покупать дряхлому старику какой то смартфон.

Так мы и приехали с нашей слишком скромной, по мнению моего внука, покупкой, но даже на нее я долгое время смотрел с удивлением – для меня было чем-то невообразимым, что этот маленький предмет может связывать людей не только с разных городов, но и с разных стран, континентов и углов мира, и для этого даже не нужно привычного советскому человеку ожидания. Глядя на него, я вспоминал былые времена, когда даже самую важную весточку мы терпеливо ждали месяцами, каждое утро проверяя почту, хотя прекрасно знали, что она еще пуста. И люди тогда были терпеливее, и строки эти всегда можно было разорвать, зачеркнуть, исправить... не то, что сейчас. Вдыхать запах бумаги, еще веющий от него аромат целлюлозы, поч-

тогового ящика и конечно же, родного человека.

Сейчас же мы живем в эту удивительную, если не странную эпоху, в эпоху, когда люди все время на связи, но так далеко друг от друга, в эпоху когда только оценив твой внешний облик начинают разглядывать твою душу и то далеко-далеко не всегда, в эпоху одетых и тем временем нагих людей.

Вскоре после моего праздника, хотя уже глупо его так называть, внук безапелляционно заявил, что в качестве моего подарка на его день рождения он примет лишь одной визит к нему, в его скромную небольшую квартиру, в которую он совсем недавно въехал. Внук мой родился зимой и я кивком завершил этот разговор, осознавая то, что до зимы еще необходимо дожить, а в моем случае это весьма сомнительно, и всё же, этот день настал и мне оказалось было суждено поздравить его именно таким способом, который выбрал он сам.

Спустя четыре месяца я приехал к своему родному человеку, который и раньше пытался вывезти меня из моего дома, но всегда безрезультатно, и только зная о его предстоящем празднике, в этот раз я не смог отказать. Дорога меня утомила, я не ездил уже давно, пусть даже в кресле пассажира, и уставал даже от небольшого расстояния, дойдя до места назначения и немного отдохнув, я постепенно начал свою адаптацию в пока еще чужой для меня обстановке, но по достоинству оценил выбор внука- квартира была до предела уютной и практичной, со вкусом, но без излишеств. Я был

счастлив за него, он имел то, о чем я и его отец не могли и мечтать в его годы. У каждого из нас была своя причина. Уважительная. Первый день, пользуясь его свободным временем, мы провели дома, разговаривая на разные темы и часто пили чай и вспоминали прошлое, на работе у внука были как раз выходные, а его девушке тоже пришлось отлучиться по своим делам, поэтому он полностью посвящал себя мне, что мне очень льстило. И все же, на второй день ему пришлось прервав выходной, вернуться на работу, а я остался здесь совсем один.

Выходя он спросил:

– Скучать не будешь дед?

– Я не умею скучать- улыбнулся я.

Это было ложью. И действительно, я никогда не умел принимать одиночество. Они всегда были со мной, они не оставляли меня в тоске. Они. Когда мне уже становилось не по себе, я брался за других своих друзей- за книги. Они тоже были со мной всегда. Не зря я повторял, что прочитанные книги и сделанное добро не проходит без блага.

«На западном фронте без перемен», «В списках не значился», «Летят журавли»... этот список можно было продолжать очень долго. Я старался не читать книг про войну, но казалось... они сами находят меня. Ни в одной точке мира или страны я не чувствовал бы себя дома, кроме своего города, но книги, которые я всегда беру с собой, помогали мне побороть это чувство. Закрывая глаза я будто переносился

шусь в то время, в те места. Там много разных эмоций. Есть и счастье. Но главное- нет безразличия. Человек, безразличный к жизни уже мертв, отношения в которых поселилось безразличие, уже разрушены.

Говорят, перед смертью человека вся жизнь проносится перед его глазами. Интересно, кто смог это определить? И все же, если это правда, я умирал много раз, ведь не единожды моя жизнь проносилась перед глазами за несколько мгновений... со всеми потерями, радостями, печальями, я спокойно смотрел на них, не прищуривая глаз, и было лишь одно, что могло меня ударить плеткой по самому сердцу. Его глаза. Безднадежные, болезненные, томные, уставшие. Уставшие из за голода, жажды, тоски, переживаний. Его глаза, которые закрылись из за меня. Только из за меня. Мой единственный брат.

Многое в мире изменилось с тех самых пор, ценности человека менялись уже не раз, и сколько бы их не было, каждый из людей по своему уникален и является носителем чего то, чем наделен только он, кто-то рано понимает это, кто то долго не может найти. Удивить или растрогать современного человека не так легко- он уже оценил бессчетное количество слезоточивых фильмов, начитался душераздирающих историй в глобальной паутине, но сколько бы я не прожил и сколько бы тысяч фильмов и книг не было создано миром, мое сердце оставалось совершенно глухим для них, только потому что внутри меня была другая история, кото-

рую я пронес на протяжении всей жизни. И ни разу не было такого, чтобы услышав или увидев нечто из жизни другого человека, я мог сказать – «Надо же, оказывается то, что случилось со мной не так страшно». Страшно.

Вечером внук возвращается и предлагает устроить мне прогулку по городу или хотя бы по близлежащему району, но я отказываюсь, мне хочется провести этот вечер в тишине и покое, вдыхая каждую его минуту, осознавая, что этих вечеров у меня совсем немного в запасе, я принимаю эти мысли абсолютно спокойно, и по другому не может быть, ведь я вижу перед собой искреннюю улыбку внука. Вскоре я узнал, причину по которой он был так весел – приехала его девушка, с которой он и планировал нас познакомить завтрашним вечером. На следующий день я провел несколько часов выполняя в квартире внука банальные, но уже такие нелегкие для моего возраста действия, которые я осмелюсь назвать уборкой, а затем заглянув в холодильник обнаружил, что он практически пуст, продуктов там оставалось максимум на один ужин, его холостяцкий образ жизни давал о себе знать, несмотря на все условия, что он устроил для меня, о своем комфорте он мало думал. Я открыл старое портмоне, в котором лежала очень важная для меня тетрадь, в ее середину я вложил небольшие денежные накопления, состоящие из скромных пенсионных выплат, положив свернутые деньги в карман, я вышел. Еще в первый день я заметил, что в соседнем доме расположен продуктовый магазин, ту-

да я и направился, с целью заполнить пустой холодильник внука. Этот короткий путь я не могу пройти просто уткнувшись лицом в землю, никогда. Я смотрю на деревья, людей, их эмоции, осязаю красоту брэнного мира. Красоту, которую начинаешь ценить только в самом конце.

Навстречу мне идет молодой человек с девушкой, опирающейся на костыли, несмотря на это, девушка выглядит свежей, сильной и... выжившей. Об этом говорит приятный румянец на ее лице. Я счастлив за нее. Какой бы путь не предшествовал данной картине -обычное растяжение или злокачественная опухоль, сейчас в ее глазах возрождается счастье и это главное. Впереди у нее будет много праздников и юбилеев, она увидит новые места и будет свидетелем множества новшеств и изменений в мире. Быть может, она станет свидетелем того, как создадут лекарство от рака. Но не я. Не я.

Совсем скоро единственным доказательством моего некогда скромного пребывания на земле будет могила, которая тоже исчезнет. И только единственный внук посетит ее несколько раз ради приличия, и всё. Других гостей я не заслужил.

В магазине я взял две пачки макарон, фасоль, минеральную воду, иногда она помогала мне избавиться от изжоги, ибо это было плацебо, два вида сыра и немного фруктов. У кассы передо мной стояла молодая пара с девочкой четырех- пяти лет с заплаканным лицом, к груди она прижимала куклу, в набитой тележке лежала дюжина шоколадных ба-

тончиков и других неизвестных мне товаров с яркими обертками. Как оказалось, она капризничала из за того, что мать отказалась купить ей еще одну шоколадку, напоминая, что они только недавно пришли от дантиста, и ей надо знать меру в сладостях, но девочка был непреклонна. Я вспомнил наше детство в пору этой девочки, как мы ждали кусок хлеба, а если бы в один из таких дней нам сказали про шоколад, мы лишь спросили бы: «Какой у него вкус?», но я всегда радовался тому, что многим нынешним детям был неизвестен этот вопрос. Дай Бог им никогда его не задавать.

Наблюдая такие ситуации, во мне проносилась масса негодующих эмоций, но ни разу —не зависть, я не испытывал досаду от того, что выпало пережить мне, ведь каждый становится тем, кем должен быть, несмотря на то, в какое время он появился на свет, даже родись я через пятьдесят лет после окончания войны, та боль что должна быть в моей жизни-будет, а раз так, то какое значение имеет все остальное?

– Ты там, дед, не суетись, мы пиццу захватим по дороге-сказал мне внук утром, уже выходя.

Я улыбнулся и мирно кивнул. Не мог я понять, как их юные организмы могут ограничиваться неким подобием еды, забывая вкус традиционных блюд, незаменимых ничем, поэтому сегодня, вернувшись с покупками и расставив их по своим местам, я принялся за приготовление борща, того самого борща, который некогда готовила моя дорогая супруга. Интересно, чтобы она сказала о нем? Возможно, она

была бы настроена скептически, как и всегда, когда дело касалось моих кулинарных экспериментов, но в итоге признала бы, что у меня получилось совсем неплохо, а может даже лучше чем у нее, ведь не даром о моем борще внук рассказывал даже иностранцам будучи в командировке, но я не был из тех, кто умел получать наслаждение от приема пищи. Я всегда ел, чтобы жить, вернее существовать, и не придавал этому большего значения, и так было всю мою сознательную жизнь и у меня был на этой свой повод. Я еще раз взглянул в кастрюлю с душистым ужином, проверяя, не забыт ли какой-либо ингредиент и идущий от него аромат рождал в моем отравленном сознании тысячи мыслей, имевших общее название- Ностальгия.

Я не любил готовить для себя. Раньше я еще мог мотивировать себя тем, что еда – это залог здоровья, а сейчас такие убеждения давно были мне чужды и я осознавал с возрастом- какой бы образ жизни я не вел, мне не уйти от той, что идет за мной по пятам, и продолжительность нашей жизни совершенно не зависит от нас, возможно многие со мной не согласятся, однако, я как всегда, останусь при своем. Более сильное удовольствие я испытывал готовя для других, но к сожалению не для детей, многочисленных внуков и внучек, а для одного, единственного внука, оставшегося после смерти моего единственного сына, и все это было абсолютно банально, по той простой причине, что список моих близких начинался именно с него и на нем и заканчивался. Я любил

готовить для него, но в большинстве случаев внук приходил ко мне без предупреждения, он не хотел чтобы я суетился, а это было самое меньшее что я бы сделал для него.

Воспользовавшись свободным временем, когда стол был практически готов, а внук с девушкой еще не подошли, я достаю из шкафа вещь, которая ближе мне всего за последний год- толстую синюю тетрадь советского производства с выбитой на задней стороне ценой- сорок три копейки, без единого рисунка и таким «своим» запахом. Это одна из немногих вещей, которая у меня осталась после всего, что случилось. Я открываю ее там, где остановился в прошлый раз и продолжаю плыть к своим берегам- я продолжаю свой рассказ, который мне необходимо закончить до того, как кто то сверху не закончит мой путь. Для меня это важно, и мне абсолютно все равно, будет ли у него хотя бы один читатель, для меня важно повторить все это. Хотя бы раз в жизни. По вечерам я включаю торшерный светильник и придвинув табурет к своему столу продолжаю своё невыдуманное повествование. В нем я ничего не стесняюсь и ничего не боюсь. Лучшие люди пишут, а не говорят. Я обнажаю все мысли своего сознания- невысказанные, спрятавшиеся в разных уголках моей сущности, банальные и уникальные. Я ищу их. Возможно, когда-нибудь они спасут чью то душу от гниения. Возможно. кто-нибудь осознает свое счастье, прочитав меня. Быть может, будут люди, которым завтра или через десятки лет мои слова понадобятся, а если нет, то так и быть- я смирюсь

с этим и приму то, что так в итоге будет лучше для меня. Каждый раз открывая эту тетрадь, моя жизнь останавливается минуты на три, а потом я вновь начинаю... жить словами, и это то, что у меня никто и никогда уже не отнимет. Я успеваю почти дописать начатую утром главу, к тому времени как слышу звук подъехавшей машины, поспешно убрав тетрадь, я выглядываю в окно, под ними наконец то остановилось такси и спустя мгновение из него выходит мой дорогой внук, он помогает выйти статной девушке, вовремя вспомнив о хорошем тоне, я задвигаю раздвинутый занавес и направляюсь оглядеть кухню. В очередной раз молодость хвастается своей ловкостью, так быстро оповещая меня о своем прибытии веселыми голосами в прихожей. Убедившись, что мой стол в абсолютном порядке, я выхожу к ним.

Он стоит в легком пальто и шарфе с тонким слоем снега на плечах рядом с молодой белокурой девушкой, которая заведя меня сразу отрывается от зеркала в прихожей и смущенно протягивает руку, внук представляет нас друг другу. Девушка расплывается в натянутой улыбке немного неестественных губ.

Я стараюсь собраться и вести себя как можно естественнее, что у меня не всегда получалось в обществе новых для меня людей. Внук выдвигает для гостии стул и предлагает мне тоже присесть, делая знак, что он сам преподнесет остальное. Он советует мне попробовать захваченную им по дороге пищу, но мне хочется снова насладиться обще-

ством родного человека и его избранницы, не отвлекаясь ни на что, но все же я пододвигаю тарелку к себе, дабы не смущать их.

– Я очень рада, что наконец то мы познакомились, я так наслышана о вас- говорит она, скованно глядя на меня, уже за ужином.

А затем интересуется: -Подать вам хлеб? -увидев, что я берусь за столовые приборы, но не успевает договорить фразу, как внук бросает на нее очень кроткий взгляд.

– Дед не ест хлеб- говорит он ей.

– Правда? – ее глаза округляются. Боже, это так круто, то есть, это прекрасно, когда люди в возрасте следят за своим питанием- восторженно заявляет она, но услышав гробовое молчание в ответ моментально меняет тон и начинает извиняться за свою несообразительность.

– Ничего, пусть будет так, вам не стоит переживать- заверяю я с улыбкой.

– Дед пережил блокаду, я же рассказывал тебе- произносит внук, но я делаю ему явно заметный знак прекратить эту тему и перевожу разговор на уже остывающий борщ..

Через несколько минут наш разговор возобновляется, только на этот раз он идет об нынешней системе образования, новых фильмах, молодые рассказывают мне о любимых заведениях, близких друзьях и планах на будущее, девушка также рассказывает о своем отце, который вынужден по долгу службы проводить много времени вдали от семьи.

– Вы не скучаете когда одни в квартире? – интересуется она.

– В моем возрасте немного по другому относишься к одиночеству, да и к смерти тоже. Если честно, после кончины моей супруги многое изменилось, у меня были и другие потери- я задерживаю свой взгляд на внуке, поражаясь тому, как он похож на своего отца- но у каждого бывает переломный момент. Все после ее ухода стало другим, она была прекрасной женщиной и женой, хоть я и не был примерным мужем. Но с каждой потерей приходится примиряться, ведь у тебя нет альтернативы. Я всегда нахожу способ коротать время- улыбаюсь я ей, думая о своем главном занятии, но ничего не говоря вслух о своей книге.

– Дед очень любит читать – добавляет внук.

– И это тоже. Как то наш с вами знакомый принес мне медицинские книги для почечников, у меня с ними были проблемы- вспоминаю я- это конечно было очень мило с его стороны, но я после его ухода поменял их на художественные, я уже прошел через несколько гемодиализов, наши болезни и так у нас столько отнимают, так что, еще и читать о них? – внук, уже привыкший к моей самоиронии широко улыбается.– У каждого из нас будет своя конечная инстанция. Я благодарю Господа за свою —мне кажется она довольно гуманна. Каждый год миллионы людей умирают в страшных авариях, пожарах, болях. О такой старости как у меня многие только мечтают. Поэтому я счастлив. Тем более имея такого

внука, как мой.

– Даниил очень хотел, чтоб вы переехали к нему, вы ведь в Петербурге совсем одни- девушка пытается говорить как можно вежливее и не сказать прямо о том, что когда я буду уходить в мир иной мне не помешало бы чье-нибудь присутствие.

– В том то и дело, я живу в самом подходящем для себя месте и нет для меня другого на этой земле. Там моя сущность. Я не представляю себя в другом месте. Слишком много там родных для меня сантиметров- отвечаю я ей с улыбкой.

– Когда в дедушке просыпается такой романтик, он думает о бабушке- внук пытается внести иронию в наш грустный диалог.

– Не всегда. Хотя конечно как же без нее.. я ее никогда не вспоминаю, – брови девушки удивленно вскакивают от этих слов – потому что всегда помню о ней- добавляю я тихо.

– Да, бабушка была прекрасной женщиной. Хотя я был еще ребенком, когда ее не стало, но они с дедом для меня остались воплощением идеальной семьи, я надеюсь, что мне удастся создать такую же- он вновь улыбается ей и переводит тему на предстоящие новогодние каникулы.

Глядя на внука, для меня все в мгновение сливается в единое. Я осознаю то, что делает меня безумно счастливым, что поселяет в моей душе абсолютное чувство покоя, выселяя

тревогу за него. Я хотел чтобы он нашел себя.

Многие будут ненавидеть тебя за то, что ты не стал тем, кем они хотели- никем.

Я счастлив, что на нем роковая цепь прервалась. Цепь, которая тянулась так много лет, я счастлив что он не стал ее жертвой, в отличии от меня, моей семьи, а затем моего сына.

Всему когда-нибудь приходит конец.

По закону бумеранга

К часам девяти вечера я включаю один из каналов, там идут очередные дебаты с пеной у рта среди спорящих о чем-то людей, все как всегда: они перебивают друг друга, поливают грязью, каждый норовит заявить о себе, показать себя, показаться уникальным, публика оживленно наблюдает за ними, как обычно, желая все более зрелищного шоу. Я выключаю телевизор, и не только потому что мне это не интересно, а потому что я знаю: после каждого из таких аншлагов каждый из его участников придет домой к своей семье или любовнице, в теплый кров с полным холодильником, где их ничто не потревожит и не отвлечет. Ничего, кроме громких, но пустых слов брошенных перед камерами они не делают во имя мира и добра, пока каждый из них наслаждается покоем история уже вершится- начинаются и заканчиваются войны, принимаются важные решения, люди трудятся в пот и кровь, нарушаются те или иные границы, заключают-

ся крупнейшие договоры и мировые соглашения, внутри каждого протекает частная война. И в этот момент кто то уже не вернется с войны настоящей к любимой жене, в этот момент какая то мать узнаёт, что уже никогда не дождетя своего единственного ребенка домой, какой то отец получает весть о гибели единственного сына. Именно они были и всегда будут настоящими героями- те, кто молча совершает дела и не желает славы, те, кто борцом проходит через тяжелейшие испытания, как правило, именно их никогда не показывают по телевидению, о них не печатают информационные источники и их не обсуждают социальные сети. Но, благо, их все устраивает. Я уверен, когда то они будут признаны. Не в этой параллели.

Уже глубокой ночью, зная, что внук давно спит, я долго смотрел в темный потолок и вспоминал себя в его возрасте. Многие кошмары моей жизни, несмотря на юные годы, были уже в прошлом. В институте я познакомился с первой и единственной любовью, по счастью, ставшей моей женой, мы объединились, чтобы прожить оставшиеся дни или век вместе, и время помчалось так, словно мы участвовали в каком то бешеном марафоне, и лишь иногда я останавливался, взглянуть на свою жизнь со стороны, взяв паузу, но и эта пауза была частью марафона и все равно она уносила меня своим скоротечным ручьем. Я знал, что каждый мой шаг будет возвращаться ко мне по три раза.

Она

Я не ждал и не надеялся на то, что судьба подарит мне возможность любить и совершенно спокойно относился к бракам без чувств. Будучи подростком, глядя на своих родителей, еще до того, как началось то, что нас разлучило, я понимал, что им удалось сохранить и искренние чувства, и преданность, и искру в отношениях. Я рано понял, что это сложная система, подвластная не всем.

Более того, они были для нас с братом прекрасными родителями и это я считал главным в жизни. До брака я никогда не задумывался о том, каким семьянином я буду, какой женой и матерью должна быть избранная мною – второе для меня было самым важным, ведь есть много родивших, но не ставших матерями женщин. Все, кого мы приводим в свою жизнь – долгожданный ребенок или прикормленная дворняжка- это ответственность, о которой мы должны помнить до самого конца, до конца жизненной тропы. Мне говорили, что эту тропу лучше проходить с тем, кто создан для тебя, но я не понимал значение этих слов. Как это возможно? Разве так бывает, что человек создан для кого-то, а не лишь для самого себя? Я получил все ответы когда встретил Ее.

Она была прекрасна. Она была мечтой многих более перспективных парней нашего учебного заведения, чем я, круглого сироты, который сводил концы с концами только благодаря дяде. На нее можно было смотреть вечность, а по-

том еще одну. Ее облик был прекрасен: роскошные волосы, женственная фигура, выразительный взгляд — в ней была одновременно порочность и невинность. Я нашел в ней весь мир и даже чуть больше. И одному лишь Богу известно, что она нашла во мне. Самые счастливые в моей жизни дни безусловно ассоциировались именно с ней: наша свадьба, наши счастливые будни, рождение нашего сына, его первые шаги и слова.

Пожились мы более чем скромно, но какой толк в роскоши, если ее виновниками являются двое несчастных? Есть ли смысл в праздных излишествах, декорациях и мишуре, созданных чтобы отвлечь гостей от грустного взгляда невесты или безразличия жениха? Ни одно роскошное платье не добавит блеска в глазах невесты. Наша свадьба будучи до безумия простой была для нас самым лучшим и счастливым днем из всех прожитых.

Я был предан ей многие годы, но я никогда не давал ей никаких клятв. Зачем люди дают обещания верности? Пустые обещания, которые многие из них нарушат уже через несколько лет, а кто-то уже следующим вечером. Так мало тех, кто способен сдержать это слово и донести его до старости. Я не хотел. Я не хотел врать ей, себе, гостям разделившим с нами этот день и конечно же, Богу, в которого пусть не свято, но верил.

Нет же, я однолюб, но нет в этом мире ничего, в чем можно быть настолько уверенным, чтобы давать клятву. Я клял-

ся любить ее столько, сколько смогу. И она ни разу не обвинила меня во лжи. Это было намного лучше, чем если бы она расплылась бы внутри от моего громкого обещания, а уже вскоре корила бы за то, что я его нарушил.

Она была лучшей. Я никогда не искал ее. Все другие для меня были просто другими. Почему человек не планирует свою смерть в большинстве случаев? Спросите у любого человека «Когда вы умрете?» и вас, вероятно, примут за психа, но почему же в любви все по другому? Люди не говорят «любовь придет, когда надо» а ищут, испытывают ее, и в итоге оказываются обожженными этим опытом, быть может, все было бы по другому, если бы они ждали? Быть может... Она была другой. А я зная принципы судьбы, так боялся вновь отступить. Я понимал, что жизнь не настолько справедлива, чтобы человек долго не испытывавший счастья, наслаждался им все остальные годы. Нет, все было бы слишком просто. Так не бывает. Много людей, ни разу не испытывавших полноценного, окрыляющего счастья. Каждый из них настолько привык к разочарованиям, что даже впервые встретив своего человека, им долго не удастся поверить в то, что это наконец случилось. И тяжелее всего испытать это разочарование только потом, когда столько слов и дней, лет безбожно проведены с другими. Ведь удивительная штука жизнь... вы можете оба любить горький шоколад, слушать одни и те же песни, иметь привычку грустить под шум дождя, оба родились весной, до сих пор на редкость в современном мире любви

те читать, оба стараетесь вставать в шесть утра, едите борщ маленькой ложкой, бананы кушаете отламывая, вы оба мечтатели-реалисты, обожаете Шопена и кофе с пенкой, и все равно нет в мире более чуждых друг другу людей, чем вы.

Поэтому единственное, в чем я нашел и радость, и покой была моя семья, маленькая семья из моей супруги и сына. Залогом этой счастливой семьи, в которой долго не звучал детский лепет, была именно Она. Мне удалось пронести чувство к ней на протяжении всей жизни, и я горд этим. Жизнь не настолько долга, чтобы мы не могли сохранить верность одному человеку. Я никогда не боялся разлюбить ее, мне это не грозило. Единственное чувство, которое для меня всегда было худшим— это безразличие. Отношения, в которых поселилась ненависть, можно восстановить, но если между людьми появилось безразличие, все уже потеряно. Безразличие в миллионы раз хуже ненависти. После него мосты не соединяются вновь.

Сына мы ждали долго. В какие то моменты казалось, что чудо уже не случится. Такие мысли были, хоть я и не давал ей об этом знать, ведь эта тема была для нее ахиллесовой пятой. А потом это самое чудо все же свершилось и хотя я давно обещал себе, что отнесусь к этому более чем естественно и все буду повторять— «я же говорил что получится!», узнав об этом, я потерял голову от радости больше нее, что уж говорить о том дне, когда это чудо можно было потрогать руками.

Время ожидания было хоть и не самым легким, но самым чудесным в нашей жизни.

– Позвоночник уже образовался, -читаю я, держа в руках пособие для будущих родителей- Тридцать три позвонка, сто пятьдесят суставов, тысяча связок... с ума сойти, внутри тебя целый организм- она скромно улыбается в ответ.

В ожидании первенца каждое утро я смотрел в календарь и загадывал —осталось 100 дней... 80 ... 60.. 55... – это был сладкий и томящий отчет, который я вел, пока еще только будущим отцом, уже открыл для себя много новых вещей... например то, что счастливые люди просыпаются совершенно по другому. Это прекрасное чувство- быть любимым и любящим одновременно. Я был счастлив. Зачем натягивать маску хронического неудачника, никогда не познавшего чувство полного счастья и радости? Я был счастлив. Я благодарил Бога за то, что мне дано. Но воспоминания еще терзали меня. Был ли я свободен? Это другой вопрос, на который ответ я раскрыл бы далеко не каждому.

Сейчас многие ищут отношения без обязательств, тех, с кем можно просто забыться, этого не сделаешь с людьми, имеющими серьезные проблемы, ведь они не могут себе этого позволить – они несут свои кресты, порой безумно тяжкие, даже когда такой человек выслушает тебя и попробует дать дельный совет, мыслями он будет где то там – с отцом, медленно сгорающим в хосписе, дочь на пятой химической терапии. Излить душу таким порой не позволяет

совесть.

Такая дружба никому неинтересна и я понимаю это, наблюдая то, насколько различны люди, пусть и шагающие по одной земле и под одним Богом – почему у некоторых души полны прекрасным, а у других пусты как пробки? Что течет в их жилах? Почему в одних только кровь, а в других безграничные миры?

Именно это я стараюсь сказать своему читателю, и я счастлив, если он у меня будет, хотя бы после моей кончины. Я никогда не считал себя творческим человеком. В моих родных, подобно настоящим советским людям, корнями прижился коммунистический дух и они чуть ли не с пеленок убеждали меня, что мужчина, советский мужчина должен любить физический труд и не представлять своей жизни без него, они были убеждены, что работа мужчины, как главы семейства, должна быть связана с трудом, ведь он, как известно, олицетворяет человека и помогает ему оставаться настоящим мужчиной, готовым в любой момент встать на защиту родины, как на защиту собственной семьи, поэтому у меня никогда не было дум о том, что на моей жизненной тропе может проявиться творческая жилка- навряд ли им бы понравилось, если бы я стал артистом или писателем или проводил бы дни с кистью в руках, но я не ропщу на родных-то, что должно придти к нам, приходит строго в свое время, и осознание того, что мне нужно сохранить свою историю на листе бумаги ко мне пришло лишь недавно. Быть мо-

жет все эти годы у меня была предрасположенность к этому? Скромность не позволит мне заменить это слово на талант, это было бы слишком громко с моей стороны. Но разве сам человек бывает талантлив? Бог одаривает лишь некоторую его часть - у художника это руки, у певцов это голос, как одарены те, кто пишет? Пожалуй, ответ лежит глубоко в них, возможно в том самом недостижимом месте, которое мы называем душой. Ведь эти слова не набираются посредством толковых словарей, они идут из самого нутра. Может ли жизнь и меня лишить этого, подобно пианисту, лишившегося пальцев? Конечно. Она все может. И я в отличии от фантастов, драматургов и сказочников пишу о реальности, пишу об опыте. Разве у вас его нет?

И если вы меня спросите, что такое опыт, я отвечу, что он подобен ненужной, но уже купленной вещи.

Опыт

Каждый из нас хотя бы раз в жизни покупает ненужную вещь. Берет, идет с ней к кассе, расплачивается и относит домой, но дома через день, неделю или месяц он обнаруживает, что вещь эта ему не очень то нужна. «Для чего я купил эту штуку?» -спросит себя еще дюжину раз, однако ответа все нет.

Так эта вещь залежится где-нибудь в шкафу под рудой обуви и ненужного барахла, понемногу покроется пылью,

а затем забудется вам.

Но рано или поздно все равно настанет момент, когда вы достанете эту вещь и поймете, что вы все таки не зря платили за нее деньги. Точно также и с жизненным опытом, но в отличие от второй одинаковой помады или очень жмущей шапкой («да ладно, растянется»), жизнь не спрашивает нас, хотим ли мы купить опыт? Быть может, мы не можем заплатить за него ту «цену», что она просит у нас. Быть может мы не готовы сейчас к такой «покупке». Но все это не важно. Нас ожидает доставка. Опыт борьбы с болезнью. Опыт потери близкого человека. Опыт разочарования. Измены. Опыт боли. Какой именно вы выбирали? Неважно. Это уже давно определено. В назначенный срок этот опыт доставят к порогу вашей жизни и ничего, что вы не подписывались. Через некоторое время мы опять задаемся вопросом: «А зачем нам вообще нужен был этот опыт?».

Но его в отличие от неудачной покупки нельзя спрятать в подсобке, подарить подруге или просто выбросить. Он с вами. Вы неразлучны. Вы целое.

Потом мы учимся жить с этим опытом. Получается не у всех, но затем, для тех, кто все таки смог, настает другой день. День, когда они понимают, что этот опыт всё таки был необходим, что он стоил своей цены. Тогда все становится ясно. Все встает на свои места. Жизнь, которую мы видим в начале и в ее конце -это две разные параллели. Противопоставленные. Рано или поздно розовые очки из стекла любой

толщины, да даже самые элитные, разбиваются об асфальт правды. Можно ли склеить зеркало не оставляя трещин? Попробуйте. Нас учат жить в естественных тонах. Принимать правду жестокого мира.

И в любой момент когда снова тяжело, мы снова обращаемся к уже имеющемуся опыту. Бесценному багажу. Когда вы уже знаете что такое вывих, получать перелом не так страшно. Наверное именно поэтому нам и дается опыт на протяжении всей жизни в малых и средних дозах- чтобы самая сильная не оказалась смертельной.

Шарик

Август 41-го.

– Шарик, тебе же здесь скучно, пойдем со мной, поиграем. Ну и ладно- махнув рукой, я направляюсь обратно в дом и тут он меня догоняет и даже опережает, запрыгивая передо мной. Светло-рыжий кот еле осмотревшись по сторонам усаживается на свернутое одеяло, оставленное в углу, так уверенно, будто это было уже давно его излюбленное место. Меня удивляет это. Он ложится, закрывая глаза, будто наслаждаясь установившимся покоем. Какой была его жизнь до этого момента? Я не могу удержаться от того, чтобы его погладить, хотя не знаю, откуда он взялся и есть ли у него хозяин, в чем я очень сомневаюсь.

Я очень давно хотел завести домашнее животное, хоть

и не знал, как к этому отнесутся родные. Вернее, знал. Я невинно смотрю на свою бабушку, как всегда крутящуюся вокруг плиты и время от времени поглядываю на кота, уже лежащего у порога, я нахожу себя на мысли, что хоть Шарик совершенно не примечательный кот, я сравниваю его с другими более видными котами, наподобие того, что я видел дома у своего одноклассника, толстого, вредного и излюбленного ими котяру, ну вот чем мой Шарик хуже? Не воротя нос, он сразу съел пирожок трехдневной давности, радуется, когда его гладят, смотрит на нас глазами, полными надежды и любви. А разве тот кот так себя вел? Да он был настоящим демоном, который рычал при виде нового для него человека и не давался в руки даже хозяевам, если был не в духе. Нет уж, лучше мой Шарик в сотню раз.

В комнату заходит мой младший брат и бросив взгляд на сидящего в углу кота, берет печенье и идет обратно к двери.

– Глеб, ну ты чего это? У нас гость вроде бы новый- бабушка всегда старается быть с ним милой, понимая, что он из категории тех детей, которых называют сложными.

В ответ Глеб промычал что то вроде- Самим есть нечего- бабушка махнула в его сторону полотенцем, а потом замерла глядя в одну точку.

– А ведь он прав. – она смотрит на меня и сверлит этим до боли знакомым взглядом. День ото дня не легче. Ты же видишь какая ситуация в городе. Дед боюсь ругаться будет—

проговаривает она, ставя чайник, украдкой глядя на прирученного мною кота. -Люди на улице такое говорят- она начинает сходу всхлипывать- я даже рассказывать вам не хочу.

– Что говорят? – не выдерживаю я.

– Говорят, война будет.

– Ну, на улице пусть и говорят- стараюсь я подбодрить ее, цитируя одну из любимых фраз своего отца. -Вот увидишь, все наладится. Да, Шарик? – он смотрит так, будто понимает и даже знает, преувеличивают люди на улицах в разговорах о войне или ...преуменьшают.

– А чего это ты его как пса назвал? – недоумевают бабушка.

– А что, коты не бывают Шариками? – я внимательно смотрю на него. Вот кажется мне, что он именно Шарик, если хотите, зовите по другому.

Я взяв Шарика. сажусь поудобнее на диван, с одной из немногих книг в руках. Именно здесь в доме на Малой Садовой в прекрасном и мирном до некоторых пор Ленинграде проходила моя жизнь с самого рождения. Моя семья состояла из родителей, младшего брата и бабушки с дедушкой. А теперь появился еще и Шарик. Полноправный член семьи.

Семья

– Ну наконец-то! – сквозь пелену еще не полностью от-

крытых глаз я видел родное лицо и улыбку мамы, она выглядела очень смешной, когда пыталась изобразить сердитое лицо, наверное потому что была добрейшим человеком на земле. Я любил обнимать ее и вдыхать уникальный, родной запах. Запах мамы. Самый приятный запах на свете и с каждым годом он иссякает. Ради нас.

– Я приготовила олады- заявляет она и выходит из комнаты, а я через полторы минуты уже занимаюсь чисткой зубов.

Отец мой был по специальности инженером, да только последнее время работал не получая ни копейки, но все же надеясь, что нынешние слухи останутся слухами, конечно отцу это уже порядком осточертело- такой расклад здесь царил уже более двух месяцев. Бабушка с дедом уже давно на пенсии, кроме отца у них был еще один сын, но он жил в другом городе, мой отец был у своих родителей поздним ребенком, как говорит бабушка, «рожала я его шесть часов, да было бы кого». Под такими упреками она имеет ввиду то, что мой отец якобы совсем неблагодарный человек, весь в своего отца, то есть в моего дедушку, только в отличии от моего деда, единственный человек, кого папа боготворит на земле тоже по словам бабуси- это его жена, то есть моя мама. Казалось бы, что там такого, разве было бы лучше, если бы они друг друга ненавидели? Но нет, бабушка, кажись, считает по другому.

А мама один раз не выдержала и бросила ей:

– Вы все не можете успокоиться, ревность грызет вас изнутри. Надо было нарожать еще, быть может другие согласились бы молиться на вас.

Помню, как я вздрогнул от маминого тона, я никогда не видел ее такой, но после этого случая бабушка очень изменилась и старалась относиться к маме помягче, да и не приходилось мне к счастью наблюдать больше таких сцен, ведь в целом у нас была очень хорошая и дружная семья. Была.. Мой брат был младше меня на год и один месяц, мы были, как говорят- погодками. Когда началась война, я только-только перешел в десятый класс, мне было шестнадцать лет, Глеб же учился в девятом, и несмотря на то, что по факту разница между нами была небольшой, я всегда чувствовал себя намного старше брата и любил его частенько пожуричь. Бывает так, что дети одного возраста выглядят совершенно по разному- кто то вымахает ростом уже к годам одиннадцати- двенадцати, а у кого то этот процесс тянется как резина, но мы с Глебом были практически одного роста и похожего телосложения, и выглядели даже не погодками, а совсем ровесниками, но тем не менее я имел другой круг общения, других товарищей, и ни в коем случае не допускал в него Глеба, считая его со своими друзьями еще детворой, хотя сейчас я осознаю, насколько это было глупо.

В отличии от меня Глеб не был сорванцом, невозможно было услышать, как его ругают родители или на него кричит бабушка, его учителя не вызывали их в школу, а уроки он

делал не только вовремя, но и заблаговременно и никогда не обременял этим старших, в отличии от многих других детей, например меня.

И несмотря на наши неидеальные отношения, вспоминая и оценивая все это, я понимаю, что чего-чего а ревности у меня не было точно, а ведь во многих семьях, где росли дети почти одного возраста не понаслышке знали об этом. И никогда у меня не было такого ощущения, что мама с папой его любят больше. Ну что это за родители, которые любят тех, с кем меньше проблем?

Глеб действительно был необычным ребенком, у него было очень мало друзей, он никогда не влезал в драки, он умел не реагировать на провокации с моей стороны, порой мне казалось, что он далек от всего этого, и часто находится в другом сознании. Когда мне было одиннадцать, бабушка рассказала мне, что родители пару раз даже водили Глеба к психологу, когда он был еще маленьким, я как правило не помнил, что было в первые годы его жизни, но к слову, и то, что его водили к врачу в четыре и пять, как говорила бабушка, я тоже припомнить не мог. Причиной всему было то, что Глеб не произносил ни одного слова,

– Ну так почему его не повели к этому... как его? – я всегда забывал это слово

– К логопеду?

– Точно!

– Твоя мать считала что он умеет говорить, но не хо-

чет- хм, довольно странным мне показалось это утверждение, по какой причине маленький ребенок может не хотеть говорить?

– Как всегда ваша мать надумала больших проблем, а там промолчали, чтобы выбить из ваших родителей побольше денег – бабушка как всегда была в своем тоне, но я знал, что лучше в таких ситуациях просто соглашаться с ней.

Начало

Сентябрь, 41 го

Школу я не то, чтобы не любил, но очень быстро уставал от нее, вот и сейчас, хотя прошло лишь пять дней после начала нового учебного года у меня было чувство, будто я проходил туда уже полугодие, возможно влияло и то, что последнее время и там все только и говорили о войне- по пути со школы я уже видел бомбоубежища, такое впечатление, что со дня на день должно было произойти что либо очень страшное, но я не мог себе представить, как это будет выглядеть и чем это закончится. Уверен, что не могли и взрослые. Наверяд ли кто либо из них обладал такой богатой фантазией.

Одноклассники часто говорили на эту тему, говорили как и присуще детям- нелепо, смешно, каждый вносил в свою «версию» собственные, всё новые краски. Я продолжая лежать на диване поймал себя на мысли, что даже в свободные от школы два дня я почему то думал о ней, припоминая ка-

кие предметы ждали меня завтра.

И в этот момент прерывая мои мысли ворвался отец, по одному его виду было понятно, что что-либо произошло, либо должно произойти. Я видел отца разным- гневным, радостным, веселым, печальным, но никогда не забуду его лицо, охваченное ужасом в тот самый день и даже сейчас, будучи глубоким стариком, мне до сих пор кажется, что по ночам я слышу этот голос снова и снова:

– Немцы ворвались. Молотов передал, что немцы перешли границу- выговорил он и в комнате на несколько секунд, продлившихся больше вечности, повисла пауза, а после паузы я услышал некие звуки, не сразу мною понятые, как оказалось это мама всхлипывала в коридоре.

Дед, так и не сказав ни слова, вышел во двор, если бы он курил, мы бы предположили что за этим, но дед был очень здоровым человеком, и очень волевым, никто не посмел спросить его ни о чем, а выпавшее из рук бабушки блюдо, так и продолжало валяться на полу.

– Надо хотя бы хлеба взять – выговорил отец, обшаривая старое пальто, он в такой же абсолютной рассеянности двинулся к двери и направился в ближайший магазин.

– Где твой отец? – спросил дед, появившись у порога минут через десять.

– Пошел за хлебом- по-прежнему отрешенно ответил я, но дед угрюмо промолчал, будто в его отцовском сердце успела поселиться тревога.

У меня было несколько любимых книг, и одна из них, подарок тети, маминой сестры из Колпино, была иллюстрированной, в ней у главного героя был ярко-синий велик и каждую ночь засыпая, я мечтал что в один прекрасный день и я и буду рассекать по нашей улице на крутом велике всем ребятам на зависть, но к большому счастью, в отличие от многих детей в том возрасте, я никогда не корил родителей за то, что они не могли нам позволить, я знал, что некоторые дети, некоторые мои одноклассники, были лишены и того, что было для нас обыкновенными вещами. В глубине души я знал, что моя семья просто замечательная, ну да, пусть бабушка любит поворчать, дед немного себе на уме, и отец мой простой трудяга, а мама все равно частенько его упрекает по миллионам причин, все равно они были моими родными, моими близкими и просто моими.

Из ближайшего продуктового отец вернулся почти через час, к этому времени мы уже успели забеспокоиться, а дед даже собрался пойти за ним, но отец наконец-то появился в дверях, все, а особенно бабушка вздохнули спокойно, и даже не обратили внимание на еще свежую аппетитную буханку хлеба и пару сумок с продуктами которые он положил у двери. Я видел по его лицу, что он пребывает во всё той же, если не большей растерянности от новости, которая уже звучит в каждом доме и в скором времени легла камнем уже в тысячах душ.

И несмотря на всеобщую тревогу в целом все старались

сохранить спокойствие, все, кроме бабушки.

– Надо набрать воду, ведь нет дыма без огня и продуктов еще надо закупить- часто, мешкая, говорила она, еще давно до этого печального дня.

– Неужели вам самой не надоело слушать эту людскую молву и серьезно к ней относиться? – мама в середине комнаты с кухонным полотенцем на плече и блюдцем в руках отрицательно качает головой в знак несогласия.

– Лучше послушать и не остаться потом в дураках, чем как ты, не слушать никого, запас воды в доме должен быть, и много чего ещё. Вот что у нас закуплено? – я помню тогдашний спор.

– А ведь разговоры о войне шли уже не один день, а вы все смеялись надо мной – бормочет она теперь, глядя на только что брошенные отцом сумки с продуктами, мама в ответ возмущенно закатывает глаза, и я понимаю, что начинается новая стычка, но это вовремя останавливает появившийся дед.

– На, возьми -он протягивает бабушке три купюры- вероятно почти все его накопления от совсем маленькой пенсии. -Купи что нужно, не пропадет – добавляет он.

Я оставался сидеть на старом диване с той самой любимой книгой, как вздрогнул от очередного хлопка двери. Я очень удивился, когда у порога вновь появилась бабушка, ведь, я не мог ошибиться, и я не засыпал, она вышла лишь десять минут назад, а теперь снова была здесь, все также сжимая в руке дедушкины купюры. Я подумал, что вероятно бабуш-

ку по пути убедили в том, что нет необходимости в том, чтобы закупаться едой и сейчас она успокоит и нас или возможно Молотов следом объявил о том, что никакой войны все же не будет и вообще, все это жуткая ошибка, но только не сразу я заметил слезы на ее лице, однако они могли бы быть и слезами счастья, слезами умиротворения, если бы не это отчаяние в ее глазах.

– Что же мы делать будем? – вскидывает она руки навстречу шагающему деду. Магазины пусты! Ничего нет, как же так? Что мы будем делать?

В комнату услышав бабушкин крик вбегает мама, она растеряна от происходящего, но гордость еще долго не позволяла ей признать критичность ситуации. Каждый из них чувствовал себя потерянным и был глубоко потрясен, и только дед вымолвил:

– Нельзя впадать в отчаяние, давайте подумаем, как быть – сказал он.

В итоге они договорились дождаться нашего отца и посоветоваться с ним, в конце концов в нашем большом городе есть масса других магазинов и не могло быть так, чтобы все они были пусты. Идти было уже небезопасно, народ уже был предупрежден о начале войны, а значит в любой момент могло случиться что угодно.

– Что же мы делать то будем, что? – бабушка говорила с мамой на кухне, уже какой раз повторяя эту наводящую ужас фразу, и они даже не заметили, как я зашел.

Люди не представляли, как себя вести при нынешнем раскладе, чего ожидать, это угнетенное состояние лишало их всяческого разумного мышления и если бы мы изначально знали, чем это обернется и сколько продлится, не только лишённые мощи дед с бабушкой, но и сотни других людей умерли бы сразу, не выдержав этого морально. В тот день они провели в очереди в крупном универмаге более четырех часов- очередь была огромной, люди толкались и находились в полном отчаянии, плакали, паника была невероятной, каждый боялся что до него магазин опустеет – покупали все, что могло пригодиться. Люди приносили домой столько продуктов, сколько могли взять и шли обратно в поисках того, что можно еще докупить, разумеется далеко не все могли себе это позволить, было также много и тех, кто просто не успел, до последнего не веря в критичность ситуации. Я вспоминал слова тех двух соседок, что отчасти приходили к бабушке и последний месяц только и говорили о войне, я люто ненавидел их за это, и когда придя с школы, обнаруживал их у нас, судачащими с бабушкой, я брал книгу или игры и убирался в крайнюю комнату. Однажды мне хорошо влетело от бабушки за то, что я так и не поздоровался с одной из тех самых соседок, но я не стал объяснять ей причину своего поведения, хотя возможно, она прекрасно это понимала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.